

Су Вань увидела это, отвела взгляд и холодно усмехнулась:

— Ой, вчера во дворце императора был такой шум. Я подумала, что какая-то невежливая низкая служанка устроила беспорядок в покоях... Не ожидала...

Фан Ляочжи замялся и в панике на ходу соврал:

— Вчера я по приказу Его Величества тренировался вместе с ним в боевых искусствах...

— Боевыми искусствами? — Су Вань не выдержала и рассмеялась. — И для боевых искусств нужно раздеться догола? Какой же это вид! Быстро оденься прилично.

Служанки тут же подошли и ловко помогли Фан Ляочжи одеться.

Су Вань внимательно осмотрела Фан Ляочжи, нахмурилась, не понимая, что император нашел в этом человеке.

— Вставай, я не посмею сделать тебе ничего плохого. Просто было любопытно взглянуть, — сказала Су Вань.

Фан Ляочжи растерялся, но поднялся на ноги.

Су Вань подшутила:

— Гвардеец? Его Величеству нравятся такие?

Фан Ляочжи почувствовал себя неловко до крайности.

Су Вань обошла его кругом, но так и не увидела ничего особенного, спросила:

— Почему император любит тебя?

Фан Ляочжи подумал, что эта императрица простая душа и даже мила, поэтому ответил:

— Ваше Величество, я ничем не заслужил. Император просто в свободное время скучает и беседует со мной о военном искусстве и стратегии, не более. Нельзя сказать, что он любит меня. Император любит и чтит именно вас.

Су Вань с насмешкой улыбнулась:

— Не говори этого. Мне нет смысла ссориться с ним из-за тебя.

С этими словами она направилась к выходу и столкнулась нос к носу с Жун Цзюэ, который только что вернулся с утреннего приема.

Су Вань сделала реверанс. Жун Цзюэ нахмурился:

— Зачем императрица в моих покоях?

Су Вань мягко ответила:

— Собственными руками нарвала фруктов для вас, но, увидев, что вас нет, велела оставить. Ваша супруга не станет беспокоить вас, я покорнейше прошу разрешения удалиться.

Жун Цзюэ с подозрением посмотрел на нее:

— Императрица заботлива.

Су Вань поклонилась и ушла со свитой.

— Обидела тебя? — Жун Цзюэ вошел в зал и увидел Фан Ляочжи, стоявшего с опущенной головой.

— Нет. Императрица неплохой человек, — ответил Фан Ляочжи.

Жун Цзюэ наклонил голову, поднял подбородок Фан Ляочжи:

— Что сказала? Уже тебя покорила?

Фан Ляочжи весело ответил:

— Императрица специально зашла взглянуть на меня, но, не найдя ничего особенного, сказала, что не понимает, почему вы любите меня.

— О, — Жун Цзюэ помолчал немного. — А ты как думаешь?

Фан Ляочжи замолчал на миг, потом тихо спросил:

— Я не знаю... Ваше Величество любит меня?

Жун Цзюэ обнял его:

— Ты слишком жаден. Какого ответа ждешь?

Фан Ляочжи понял: он еще не открыл душу, а уже задает такие вопросы, действительно не следовало.

— Я слишком тебя балую? Лин Чэ и императрица уже не могут этого вынести. Если узнают чиновники с внешней стороны, тебе будет еще хуже, — рассмеялся Жун Цзюэ.

— Ваше Величество правы. Я понимаю.

— Так что, придумал способ, как с ними справиться?

Фан Ляочжи, слушая предыдущие слова, думал, что Жун Цзюэ собирается его проучить холодным отношением, но тот резко сменил тему, что его очень удивило.

— Ваше Величество, император Лунъю назначал на должности за военные заслуги, таковы были обстоятельства. Сейчас при дворе, кроме Вэнь Шо и Сунь Му, которых ценил покойный император, остальных чиновников презирают, и военные часто насмеются над ними. Например, Чжу Ибин из военных, но генерал Су его не ценит, считает слишком книжным и недостаточно суровым. Это показывает стандарты найма предыдущего двора. Если вы хотите управлять гражданскими методами, продвижение новых людей — первостепенная задача. Чтобы изменить атмосферу при дворе, нужно начать с вас. Вы можете возобновить Императорские чтения, чтобы повысить статус ученых... — Фан Ляочжи поклонился и доложил.

Жун Цзюэ не выразил мнения, только пошевелил бровями, увидев нетронутую еду.

— Сначала поедим. Императрица зашла, и ты не успел поесть, — сказал Жун Цзюэ, взяв Фан

Ляочжи за руку и подведя к столу.

Фан Ляочжи сел, глядя на обильно накрытый стол, и рука с палочками слегка дрогнула:

— Ваше Величество действительно слишком балует меня. Мне не по себе.

Жун Цзюэ отложил палочки, слегка кашлянул:

— Испугался? Разве у тебя бывал страх?

Фан Ляочжи посмотрел на Жун Цзюэ, вспомнив записку у изголовья, и почему-то печаль накатила на сердце, дрожащим голосом произнес:

— Я боюсь... Боюсь, что после пика наступает спад. Боюсь потерять тебя.

Жун Цзюэ усмехнулся:

— Тебе далеко до пика. Всего несколько дней моей милости, а ты уже так тревожишься.

Фан Ляочжи вздохнул:

— У человека, раз появилась надежда, он начинает бояться потерять. Боятся, что все обретенное — лишь мираж, мимолетное видение.

— Что я тебе говорил вчера вечером? — Жун Цзюэ нахмурил брови, указывая палочками на прислугу.

Фан Ляочжи тут же очнулся от меланхолии, придя в себя, дал себе две пощечины.

Жун Цзюэ вздрогнул, взглянул на его лицо с неудовольствием и сердито сказал прислуге:

— Все вон!

Слуги тут же разошлись. В покоях остались только они двое. Жун Цзюэ собственноручно намочил полотенце и приложил к лицу Фан Ляочжи:

— Кто разрешил тебе бить себя? Несуразица!

— Я запретил тебе говорить это, потому что боюсь, как бы слова не дошли до вдовствующей императрицы. Я знаю свою мать. Она может стерпеть, что у меня есть любимцы, но не потерпит, если у любимца будут неподобающие мысли. Твои слова — это требование обещаний от меня, и мать обязательно разгневется.

— Я... не это... Я на миг потерял голову, — тихо промолвил Фан Ляочжи.

— Я не могу заставить этих слуг молчать навечно. Но можно закрыть рты на время, а не на всю жизнь. В моем кабинете, когда мы говорим о политике, ты можешь говорить свободно, но здесь, во внутренних покоях, нельзя. Если мать захочет наказать тебя, мне придется просить за тебя. Если из-за тебя мы поссоримся с матерью, тебе потом будет еще труднее, — Жун Цзюэ серьезно посмотрел на Фан Ляочжи. — Если ты хочешь быть со мной долго, ты должен уметь защищать себя.

Фан Ляочжи вздохнул, подумав, что любить этого императора — совсем не просто.

Жун Цзюэ, увидев выражение лица Фан Ляочжи, улыбнулся:

— Я не могу дать тебе никаких обещаний. Но ради тебя я старался ладить с вдовствующей императрицей и императрицей. Задний двор не похож на внешний. Когда есть кого-то защищать, нельзя действовать грубо. У меня есть императрица и наложница, у обеих есть влиятельные семьи, обычно они не смеют трогать тебя. Но если у них родятся сыновья, и они придут с животами к тебе устраивать козни, что мне делать?

Фан Ляочжи, слушая это, был удивлен тем, насколько Жун Цзюэ о нем заботится, на его лице читалось недоверие.

— Я вырос в глубине дворца, много видел придворных интриг. Моя мать дошла до сегодняшнего дня, и даже имея любовь моего отца, каждый день была осторожна, — вздохнул Жун Цзюэ.

Фан Ляочжи молча кивнул. Жун Цзюэ погладил его опухшую щеку:

— А сейчас не хочешь говорить? Я знаю, что тебя только что накрыло эмоциями. Ты у меня умный, больше не буду говорить.

Жун Цзюэ снял полотенце, снова окунул в воду и приложил к щеке Фан Ляочжи, мягко пожурился:

— Я же не говорю, что виню тебя. Зачем так быстро ударил?

— На душе было тяжело, — ответил Фан Ляочжи. — Теперь я понял ваш смысл, в будущем определенно не буду говорить.

Жун Цзюэ откашлялся и позвал всех слуг, обслуживавших покои. Они выстроились в ряд. Жун Цзюэ спросил:

— Что я и господин Фан говорили? Кто-нибудь помнит? Тому, кто помнит, будет награда.

Все слуги молчали, желающих сказать были остановлены соседями. Жун Цзюэ посмотрел на каждого по очереди, запоминая лица, голос его был суров:

— Очень хорошо. Ни одного слова не должно вытечь наружу. Цзю-эр, запиши имена этих пятнадцати человек. Если сегодняшние слова выйдут наружу, никто не выживет.

Фан Ляочжи глубоко вдохнул. Обычно он разговаривал с ним без оглядки, и только сейчас понял, насколько страшен Чжао Жунцзюэ.

Жун Цзюэ посмотрел на него, увидел его подавленное состояние и, в конце концов, сжалился, наклонившись к уху прошептал:

— Я найду время и приеду в твою усадьбу. Если захочешь что-то сказать, если есть обиды, скажешь тогда.

— Я выбрал человека из Военного министерства на должность императорского ревизора, Лин Чэ поедет с ним. Указ уже издан сегодня, отправляются завтра. Ты проводишь их?

Жун Цзюэ улыбнулся, глядя на Фан Ляочжи.

Фан Ляочжи тихо сказал:

— Я не осмелюсь пойти, боюсь, что кто-то потом рассчитается со мной.

Жун Цзюэ прищурился:

— Боишься, что я создам ему проблемы или тебе?

Фан Ляочжи ответил:

— Не кисни. Это небольшая дружба тоже благодаря вам. Лин Чэ просто жалеет меня.

Жун Цзюэ удивился, замолчал. Через долгое время заговорил:

— Лин Чэ рассказал мне о твоих чувствах.

Фан Ляочжи тихо произнес:

— Когда в тот день ваше Величество приехали в лагерь гвардии навестить меня, я догадался, что он все рассказал.

Жун Цзюэ сжал губы:

— Раны на теле еще беспокоят? Говори правду.

Фан Ляочжи помолчал, потом ответил:

— Когда идет дождь, все тело ноет тупой болью. Рана от меча возле сердца беспокоит сильнее всего. Приходится сворачиваться калачиком, чтобы стало хоть немного легче, иначе невозможно уснуть.

<http://bllate.org/book/16817/1564793>